

***БОДРОВ Геннадий Борисович,
член союза фотохудожников России,
член союза журналистов России***

17 мая – 65 лет со дня рождения

Мы родились в один день, может быть, именно это сближало нас так сильно, несмотря на все различия. Свою статью о нем я написал, когда Гена был еще жив, начиналась она так: «Талант как прыщ, никогда не знаешь, где он вскочит». Я писал о таланте, который «вскочил» в городе Курске, доказывал, что Бодров – талант, а не один из многих средних. Убили его 14 февраля 1999 года, убивали долго и позверски, душили проволокой и потом, уже беспомощного били ногами по лицу. Бодров был курской знаменитостью, но одновременно и таким безобидным городским дурачком («все ходит, снимает, чего снимает, зачем снимает!»). Его любили, ему завидовали, его ненавидели. Поэтому, когда два выродка задумались, кого бы им ограбить, ответ был очевиден: Генку-фотографа. По всей вероятности, убивать и не хотели, но вошли в раж, а остановить их было некому. О чем он думал в последние минуты? Мне кажется, я знаю о чем... Известно, что после смерти отношение к человеку меняется к лучшему (особенно у нас в России). Тем более, когда смерть настолько мученическая. Теперь уже все согласилось, что Бодров – это талант, прошло несколько выставок, одна даже в Думе, Союз фотографов в Курске назван его именем, казалось бы, чего еще желать? Тем не менее, занимаясь своими неотложными делами, все уже забыли о нем. По-настоящему он не известен и не оценен.

А я не забыл, не имею права. Потому что ответственность моя перед ним увеличилась стократно – он мертв, а я пока жив. И, кроме того, у меня остались генины фотографии. Нет, Гена не был святой, он был талантлив, а это уже путь к просветлению. И не надо ставить ему памятники, а если ставить, то из нашей памяти и его фотографий, которые умереть не могут.

Для меня Бодров после смерти не стал ни лучше, ни талантливее, я любил его, знал его место в российской фотографии и при жизни. Ведь я понимал, что у него есть несколько шедевров. Я видел в нем настоящего, большого фотографа, не курского, и не московского, а мирового масштаба. Смерть Гены помешала нам сформировать его коллекцию, но меня не остановила. Все равно пять или десять его работ – это тот самый уровень и тот самый масштаб. Но не было пока ни одной